

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

© 2002 г., ЭО, № 1

И.Ю. З а р и н о в

СОЦИУМ – ЭТНОС – ЭТНИЧНОСТЬ — НАЦИЯ — НАЦИОНАЛИЗМ

Понятийно-терминологическая цепочка, выстроенная в заголовке данной статьи, составляет тот набор проблем, который находится в настоящее время в центре внимания различных обществоведческих дисциплин, начиная с этнологии и кончая философией. Яркий пример философского осмысления этнонациональной проблематики – замечательная книга С.Е. Рыбакова «Философия этноса»¹. Этот труд, весьма примечателен оригинальностью взгляда на феномен, который до сих пор остается предметом спора и дискуссий, поскольку он настолько противоречив и многолик, что никак не хочет укладываться в прокрустово ложе той или иной теории или концепции. Автор «Философии этноса», применив в процессе анализа широкого круга работ по этнической проблематике иной научный инструментарий, сумел, по моему убеждению, сдвинуть с мертвой точки разработку вопросов, связанных с сущностной стороной природы феномена этничности, а также с его местом и ролью в социуме. Предложенный С.Е. Рыбаковым путь обнаружения этнической субстанции и соответственно предмета этнологии ведет к сближению различных позиций современного этноведения и созданию новой теоретико-концептуальной базы для решения современных задач, стоящих перед этнологией. Однако не со всем, что провозглашает С.Е. Рыбаков в своей книге, можно согласиться, поскольку в его рассуждениях обнаруживаются некоторые пробелы историко-социокультурного характера.

Прежде чем приступить непосредственно к изложению моих позиций по этнонациональной проблематике, есть смысл предварить их некоторыми дополнительными пояснениями.

Главная категория этнологии «этнос», будучи научным синонимом слова «народ», на первый взгляд, ясна и понятна, поскольку этничность в качестве социального феномена сопровождает человека всю жизнь, присутствуя в нем естественным образом в форме его родного языка, мировосприятия, миропонимания, традиций, а также мировоззрения, присущего, к сожалению, не каждому человеку. Но при более глубоком осознании феномена этничности встает множество вопросов, и главный из них можно сформулировать следующим образом: почему люди, будучи единым биологическим видом, в реальности представлены в качестве общностей, члены которых осознают себя англичанами, французами, итальянцами и т.д.? Их перечень настолько длинен, что число этнонимов на русском языке, если верить историко-этнографическому справочнику «Народы мира», достигает в настоящее время примерно 1000 единиц. Однако, по словам авторов предисловия к нему, это вовсе не предел; в справочнике «охарактеризовано значительно большее число этносов, так как во многих случаях в одной статье дается описание группы родственных народов, близких по своей культуре и быту»² (некоторые специалисты считают, что этносов в мире около 3 тыс.).

Тем не менее границы и структурные показатели народов-этносов настолько размыты и неопределенны, что на первый план встает проблема всех проблем: как выделить этнос из всей суммы социальных связей и «какая сущность скрывается за

этническими параметрами социума?»³. Соответственно из этой проблемы вытекают несколько других, несомненно, составляющих целый ряд явлений, так или иначе связанных с первой: что скрывается за термином «этничность», который возник в западной социальной/культурной антропологии в противовес категории «этнос»; как в контексте этничности следует понимать нацию и национализм – явления далеко неоднозначные, воспринимаемые в последнее время некоторыми обществоведами в качестве политико-гражданственных категорий, далеких от науки?⁴

Попыток ответить на эти и другие сопутствующие им вопросы предпринималось множество. Данная статья – в определенной степени очередная попытка синтезировать мысли и идеи, высказанные мною в двух предыдущих статьях, опубликованных в разное время в журнале «Этнографическое обозрение»⁵.

Для решения задач, связанных с этнонациональной проблематикой, настоящую статью целесообразно разбить на две части, каждая из которых акцентирует внимание читателя на двух основных аспектах данного исследования: теоретико-методологическом и понятийно-терминологическом.

Теоретико-методологический аспект

Этнонациональные проблемы – одни из актуальнейших во внутренней и внешней жизни современных государств, подавляющее число которых – полиэтнические (да и провозглашенные моноэтническими, например Франция, Польша, Скандинавские страны и другие, вовсе не таковы). Именно этим объясняется громадный интерес к этнонациональной проблематике, проявляемый во второй половине XX столетия со стороны различных гуманитарных наук. Отечественная этнология в течение вот уже нескольких десятков лет занимается проблемой этнонационального контекста в социуме. В результате в начале 1970-х годов на свет появилась известная в научном мире теория этноса с ее типологической триадой «племя – народность – нация». Кстати сказать, еще до появления этой теории существование подобной триады при характеристике общностей, отличающихся друг от друга на основе культурного своеобразия, признавал и известный польский социолог Ян Щепаньский⁶. Однако ни он, ни другие обществоведы, в том числе и этнографы, не называли эти социокультурные общности этносом и не признавали его в качестве родового понятия.

Теоретические изыскания последнего десятилетия, базирующиеся на новых эмпирических материалах, в том числе и по истории различных этнических диаспор, проживающих за пределами своих национально-государственных территорий, позволяют усомниться в собственно этнической природе таких понятий, как «племя», «народность» и «нация». Ведь эти исторические категории вместе с несомненным этническим наполнением включают в себя и экономическую, и политическую, и другие составляющие социума. А это делает невозможным использование их в качестве исключительно этнотипологических структур, что является одним из главных принципов в методологии теории этноса, претендовавшей в свое время на онтологическое исследование этнических общностей людей.

Указанное выше многофакторное содержание социума нисколько не исключает самодостаточного существования и функционирования каждого из образующих его элементов. Это касается и этноса, являющегося во многом научной абстракцией, но обнаруживаемого в обыденном сознании вполне очевидной реальностью в виде фиксируемых групп людей, осознающих себя поляками, русскими, татарами, чеченцами, мордвой, и еще около 3 тыс. других народов, населяющих нашу планету. Для этнологии же этнос как научная абстракция, по справедливому замечанию Л.Н. Гумилева, «представляется оправданной, в частности, потому, что характер этногенеза отличается от ритмов развития социальной истории человечества». При таком рассмотрении, – замечает далее автор, – «яснее встают контуры взаимоотношения человечества с природой»⁷.

И действительно, одним из важнейших факторов в этнорасовой дифференциации человечества была и остается природная среда, в которой формируются как физические, так и социокультурные характеристики и особенности тех или иных человеческих сообществ. Это касается прежде всего процессов возникновения этносов, которые в различных частях нашей планеты протекали многообразно, однако вовсе не изолированно, а в результате взаимодействия одних праэтнических (племенных) образований с другими на уровне конфликта или сотрудничества. Этот процесс и явился собственно тем, что в теории этноса принято называть этногенезом. И хотя многие стороны этого сложнейшего процесса до сих пор являются предметом дискуссий (часто встает вопрос: какую роль в этногенезе играл биологический фактор), определенно можно сказать, что в результате его сложился новый тип человеческой культуры, представленной в практике социальной жизни в форме осознания определенными группами людей своего единства и отличия от других человеческих сообществ не по признаку реального или даже мнимого родства, а по доставшемуся в наследство от родоплеменного строя – естественному предпочтению вступать в брак внутри своей группы (эндогамия), по факту геополитической принадлежности к определенной территории (государственные границы) и использования единого языка в контексте бытования собственных традиций и обрядов (этническая культура). Если говорить кратко, то в историческом контексте этногенез – это постепенная трансформация кровного родства в родство социокультурное. В ходе этого длительного процесса рождалась мощная социальная энергия, объединявшая массы людей в целях экспансии и захвата новых территорий, а также в целях создания такого нового типа общественных отношений, как государство⁸. Здесь следует особо подчеркнуть, что этногенез и государственное строительство – это взаимообусловленные процессы, поэтому в дальнейшем история государства и этноса так тесно переплетались, что порой отделить их друг от друга не представляется возможным. Этот период в теории этноса принято называть этнической историей, которая у многих государств совпала с рабовладением и феодализмом.

С возникновением и развитием буржуазных государств этническая составляющая социума все более наполнялась национальным содержанием, что происходило и происходит до сих пор на фоне трансформации и исчезновения традиционной культуры, которая в теории этноса, как известно, представляет собой один из основных стабилизаторов этноса. В национальных государствах (или государствах-нациях) этничность все более и более проявляет себя как групповая идентичность, базирующаяся на признании отдельными индивидами реликтов этой культуры, чаще всего на мифологическом уровне. В наиболее острой форме данный процесс прослеживается тогда, когда эти индивиды отрываются от своего историко-культурного ядра, оформленного в виде упоминавшегося уже национального государства. Именно на этой стадии этнического развития более всего делают акцент представители постмодернистских направлений в западной социологии и социально-культурной антропологии: причем они полностью игнорируют историческую сущность этнического феномена в социуме, и тем самым искажают один из важнейших вопросов современной этнологии: каковы место и роль этничности в социуме в историческом контексте?

В связи с этим стоит остановиться на состоянии теоретической и методологической базы двух наиболее известных направлений современной этнографии (этнологии) и социальной/ культурной антропологии.

Системный кризис отечественной этнологической науки последних 10 лет во многом объясняется тем, что он совпал с исчезновением геополитического пространства, в котором создавалась советская теория этноса, и глубоким кризисом той социальной идеологии (марксистско-ленинская философия развития общества), которая лежала в основе этой теории. Необходимость преодоления этого кризиса вызвала к жизни большое количество теоретико-методологических работ, имеющих своей целью по-новому взглянуть на этническую составляющую в истории человеческого общества⁹.

Автору этих строк уже приходилось высказывать свою точку зрения на природу этнического и механизмы его проявления в человеческой истории. Один из главных пунктов ее – убежденность в том, что этнос и соответственно этничность не вечны и бесконечны, а имеют определенные исторические пределы и что постижение этнического феномена в социуме невозможно в рамках одной теоретико-методологической модели¹⁰. И действительно, все больше ученых склоняются к тому, что ни одна из существующих ныне теорий или концепций, рассматривающих феноменологию деления человеческого общества на различные народы, не может претендовать на универсализм, т.е. на полное и окончательное раскрытие сути этнической составляющей в социуме, и что только общими усилиями можно добиться успеха в этой сложнейшей проблеме, не отменяя прошлых теоретических достижений и не приговаривая к забвению целые научные школы. Что касается теории этноса, то здесь в настоящее время сложилась ситуация, отображающая скорее не ее научную несостоятельность, а, как отмечалось выше, поражение того политико-идеологического пространства, в котором она создавалась. Прежние дискуссии с создателями и сторонниками теории этноса, имевшие место еще полтора десятка лет назад¹¹, сменились негативными оценками их научных достижений со стороны не только западных социальных и культурных антропологов, но и отечественного научного сообщества. Некоторые представители последнего низводят отечественную теорию этноса до откровенного примордиализма, который в качестве теоретической модели мало кто разделяет сегодня¹². По мнению Е.М. Колпакова «понятие "этнос" ...плохо согласуется с реальностью. Оно (понятие. – И.З.) не позволяет вычлениить этнические группы среди всех остальных видов социальных общностей. Стало быть, мы не разглядели в жизни или попросту не учли каких-то явлений, важных для характеристики и понимания этносов»¹³. Наиболее решительно совершил ревизию некоторых положений теории этноса С.В. Чешко в статье «Человек и этничность»¹⁴, совершенно справедливо отметив, что «современная этнология отличается чрезвычайным концептуальным разнообразием, причем различия касаются не только частных, но и главного – понимания самого предмета этнологической науки»¹⁵.

Упомянутая статья С.В. Чешко стала определенным этапом в развитии этнонациональной проблематики. Она дала повод для пересмотра некоторых спорных положений, касающихся природы феномена этничности. В развернувшейся дискуссии принял участие и автор данной статьи. Именно в процессе полемики с С.В. Чешко по проблеме этнической субстанции мною и была высказана мысль о том, что этничность, а следовательно, и ее социокультурное воплощение в форме этноса в исторической перспективе не бесконечны: они имеют определенные рамки, которые обусловлены самим социальным развитием человечества¹⁶. В контексте темы настоящей работы хотелось бы поднять эту проблему еще раз.

Этничность нового и новейшего времени обнаруживает в себе новые качества, главное из которых – ситуативность этнического феномена, выраженная в групповых вызовах, соответствующих определенным социальным интересам большинства членов этнической группы. Это обстоятельство во многом сподвигло некоторых социокультурных антропологов на Западе и их адептов в отечественной этнологии игнорировать историческую парадигму этничности, представленную в реальности в виде общностей, которые в обыденном сознании воспринимаются в качестве народов, а в науке определяются термином «этнос».

Но природу этничности как одного из сложнейших антрополого-социальных феноменов нельзя понять вне исторического контекста, который лучше всего раскрывается в известной фразе «откуда есть пошла Русская Земля», как и другие «земли», ставшие колыбелями для различных народов, государств и цивилизаций, поэтому вполне аксиоматичным представляется суждение о том, что современные частные стратегии носителей той или иной этничности, которые В.А. Тишков считает чуть ли не главной сущностью этнического феномена¹⁷, суть лишь эманация того социокультурного Целого, которое создала сама история. Этим Целым и является то, что

обыденно осознается как народ, а в научной практике зафиксировано в понятии, выраженном термином «этнос». В данном контексте не совсем обоснованно относительно теории этноса звучит упрек С.В. Чешко в принятии этой теорией подобной аксиоматики без должного внимания к проблеме этнической субстанции. Теория этноса, по его мнению, «оставляет без ответа главный вопрос: что же такое само "этническое?"»¹⁸.

В этой связи следует особо подчеркнуть, что различного рода инвективы в отношении теории этноса стали теперь обычным явлением не только в западной, но, как мы видим, и в современной русскоязычной научной литературе¹⁹. А между тем именно эта теория при всех ее недочетах и даже изъянах как никакая другая из ныне существующих теоретических концепций, так или иначе затрагивающих этническую проблематику, открыла путь к постижению этнической субстанции, поскольку в этногенезе – ведущей области исследований отечественной этнологии – таится ответ на главный вопрос: что из себя представляет эта искомая субстанция? И думается, именно эта направленность советской теории этноса создала предпосылки к тому, что в ней в определенной степени действительно абсолютизировался этнический фактор в развитии человеческого общества в образе так называемой этнической культуры с обязательно присущими ей признаками: языком, материальной и духовной культурой и самосознанием.

Однако без акцента на историчность феномена этничности вряд ли возможно нахождение субстанции последней, которая может быть выделена при решении следующих вопросов: **как и когда** в социальной структуре людей возникло качество, способное придавать множеству древних человеческих популяций своеобразие и отличие друг от друга не в контексте родственных связей, а в отсутствие таковых? Скорее всего как раз на этапе разложения и исчезновения родоплеменных отношений и формировалась искомая этническая субстанция, сущность которой состоит в том, что в ней факт реального или иллюзорного родства постепенно замещается сакральным ощущением и осознанием единства по иным, не родственным признакам: общего исторического происхождения, говорения и писания (у кого уже появилась письменность) на одном языке и, как правило, обитание на общей территории в контексте единого политического, а не потестарного образования. Именно через различные социальные институты последнего и происходит эманация этнической субстанции, которая по сути своей и является тем, что мы вкладываем в понятие «этничность».

Автору данных строк уже приходилось констатировать, что из предложенной Ю.В. Бромлеем этнической типологии, выраженной в триаде «племя – народность – нация», только ее средняя часть, призванная в этой триаде обозначать «недоразвитую нацию», или «перезревшее племя», несет в себе собственно этническую нагрузку, «хотя критерий для выделения в реальности подобной группы людей вряд ли кто осмелится установить»²⁰. Однако, как мне представляется, народность скорее следовало бы понимать не как один из типов этнической общности на определенной стадии ее развития, а как аналог этничности – русской кальки с английского термина «ethnicity». Ведь если понятие «этнос» синонимично понятию «народ» в значении «народы мира», то и этничность необходимо понимать как синоним народности в значении главного признака или основного качества, присущего народу и каждому, кто его так или иначе представляет (например, народность в образе мужика Марся в одноименном рассказе Ф.М. Достоевского и все творчество А.С. Пушкина, которого А.А. Григорьев назвал «нашим всем», имея в виду русских как историко-психологическое явление). Во-первых, это предложение продуктивно в том смысле, что объединяет в себе объективную и субъективную этничность, примиряя хоть в этом пункте примордиалистскую и конструктивистскую точки зрения на данный феномен. Во-вторых, такое его понимание в определенной степени позволяет хоть как-то «обуздать» понятийную многозначность термина «ethnicity» – «этничность».

Если говорить об англоязычном «ethnicity», то здесь как нельзя кстати вспо-

минается суждение на этот счет американских социологов А. Грили и У. Макреда. В научной литературе, считают они, можно обнаружить столько же определенных этничности, сколько авторов брались за это дело²¹. Не меньшую смысловую поливалентность термин «ethnicity» как «этничность» приобрел и в русскоязычной литературе, на что обратил внимание Н.Г. Скворцов в монографии, специально посвященной концепции этничности в западной социально-культурной антропологии и ее интерпретации в работах отечественных специалистов. Его анализ последних показал, что понятие, которое обозначается термином «этничность», «не только не имеет четкой научной дефиниции, но допускает весьма противоречивую трактовку»²². Между тем употребление этого термина среди отечественных специалистов становится все более частым, что, кстати, отразилось на девальвации понятия «этнос» – базовой категории одноименной теории.

Следует признать также, что последнее время ознаменовалось появлением ряда публикаций, где вполне уживаются «этнос» и «этничность». При этом последняя понимается как свойство «организационного единства и преемственности этнического мироощущения и бытия» (как тут не вспомнить мое предложение понимать «этничность» как «народность» в смысле некоего качества, присущего общности людей в коллективной и индивидуальной ипостасях, осознающих себя как народ). «Достаточно сказать, – пишет автор подобного понимания этничности Б.Х. Бгажноков, – что, опираясь на смысловые характеристики понятия "этничность", мы в состоянии преодолеть серьезные недостатки прежних механистических, суммативных определений этноса. Теперь, не рискуя что-либо упустить, можно сказать, что этнос – это социум, который складывается, поддерживается и воспроизводится благодаря этничности»²³. Первичность этничности перед этносом как имманентного антропологического качества признает и С.Е. Рыбаков. «Сущность предлагаемого антропологического поворота в рассмотрении этнических феноменов, – пишет он, – как раз и заключается в том, что в паре этнос – этничность на первое место выводится этничность. *Не этнос формирует этничность индивидов, напротив – сам этнос рождается из этничности как антропологического качества.* Тем самым полагается, что этническое в обществе порождается не социальными условиями, а раскрытием вовне творящей личности»²⁴.

Проблема первичности и вторичности этноса и этничности скорее философская, чем историко-этнографическая, поскольку, во-первых, в период формирования этнических общностей доминировал все же «коллективный разум», а не «творящая личность», во-вторых, антропологическую имманентность этничности можно признать в качестве одной из форм социогенеза, возникновение которого в человеческом роде до сих пор остается загадкой. Хотя, как считал Б.Ф. Поршнев, «социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического»²⁵. Именно поэтому отрицание в этносе и этничности биологической (родственной) составляющей непродуктивно, ибо тогда действительно этническая идентичность ничем не отличается от всех других социальных идентичностей, имеющих специфические функциональные характеристики. Игнорирование наличия парадигмы родственности в этничности позволяет воспринимать ее как внеисторическую, ситуативную и исключительно социологическую сущность, как некую «культурную окраску» человеческого общества. Но подобная постановка вопроса лишает этничность только ей присущих определителей, а значит, обрекает ее на вечный парадокс: присутствие везде и всегда в качестве иррациональной величины, т.е. постоянно выступать в качестве некоего фантома.

Эта действительно существующая в этничности антиномия, принятая конструктивистами за абсолют, разрешалась в теории этноса через двуединую конструкцию, состоящую из «этносоциального организма» и «этникоса», где в первом случае этнос выступал в роли социума, а во втором понимался в качестве собственно этнической сущности²⁶, т.е. того, что именуется в наших теоретических штудиях как «этническое» или «этническая субстанция». С.Е. Рыбаков, например, в бромлеевском

этникозе заметил именно «...некую постоянную субстанцию, как бы "элемент" по отношению к оформленному "веществу" – этносу в широком смысле или этно-социальной общности, т.е. этникусу, уже сопряженному с теми или иными социальными структурами определенной общественно-экономической формации, в первую очередь с государством»²⁷. В этой сопряженности этничность окончательно заявляет о себе как историческая реальность, которой и является народ-этнос.

Историко-социальная прерогатива в осознании этнического феномена никак не противоречит философско-антропологическому его пониманию, когда «собственное "этническое", или искомая "этническая субстанция", сводится к тому "нечто", которое, будучи заложенным в структурах личности, диверсифицирует ценности, осмысляя их, выводя через "область смысла" в "область действительности"»²⁸. Однако этничность, будучи, по справедливому замечанию С.Е. Рыбакова, имманентным качеством человека (точнее говоря, имманентное качество человека – групповая идентификация, а этничность есть лишь одна из исторических форм ее проявления), в исторической перспективе раскрывается все же на определенном этапе его социального развития, когда общность, основанная на родственных связях, в процессе естественного популяционного разрастания, постепенно превращается в общность, скрепленную осознанием его членами единого происхождения (как в историческом, так и в биологическом смысле, выходя на уровень сакральности), ощущением ими неповторимости и исключительности своей самости через только им присущие обычаи и обряды, т.е. традиции, имеющие материальное воплощение в хозяйственной деятельности, пище, одежде, жилье²⁹. Таким образом, язык и этническая культура в определенном смысле вторичны по отношению к заложенным в них символам.

В этой связи одна из центральных проблем теории и практики этнографии (этнологии) – место и роль символической компоненты в создаваемой представителями того или иного этноса культуре. По сути дела, когда мы говорим об этнической культуре, мы имеем в виду прежде всего ее символическую составляющую, поскольку именно она есть ядро первой, разделяемой обычно на материальную и духовную (деление это весьма условно, так как границы между ними неопределенны и размыты). Проблема символа в культуре человеческого общества волновала многие незаурядные умы. К примеру, один из них – П.А. Флоренский – признавался в том, что всю жизнь думал «об отношении явления к ноумену, об обнаружении ноумена в феноменах, о его выявлении, о его воплощении. Это – вопрос о символе»³⁰. В символе, по П.А. Флоренскому, заложена сущность явления, точнее, само явление и есть символ, имеющий свою плоть и свою душу. «В каждой жилке его плоти, – пишет Флоренский, – я видел и хотел видеть, искал видеть, верил, что могу видеть, – душу, единую духовную сущность; и сколь тверда была моя уверенность, что плоть не есть только плоть, только косное вещество, только внешнее, столь же тверда была обратная уверенность – в невозможности, ненужности, самонадеянности видеть эту душу бестелесной, обнаженной от своего символического покрова»³¹. Таким образом, если принять эту точку зрения, которая равно удалена от позитивизма и отвлеченной метафизики, присущих, кстати, в одинаковой степени как теории этноса, так и концепции этничности, то так называемая душа народа (или по-научному – этнический психотип) не может существовать вне ее вместилища, коим являются сам народ, его культура и его язык. В этой связи трудно переоценить громадное значение последнего в процессе культурной идентичности и дивергенции в период этногенеза, поскольку именно на этом этапе социального развития людей лингвистическая дифференциация становится уже достаточно ощутимой. Ее значительному закреплению способствовало государство – своеобразная политическая оболочка этноса.

Вместе с тем стоит еще раз подчеркнуть, что процессы этногенеза и государственного строительства были взаимообусловленны и протекали параллельно. Кстати, их реинкарнация в качестве исторического рудимента обнаруживается в новой и новейшей истории в форме борьбы многих этнокультурных образований за свою государственность, что вполне можно квалифицировать как движения этнонацио-

нального порядка. Иногда это происходит и с иммигрантскими этническими подразделениями, когда их члены в процессе складывания этнической группы в новой стране пытаются создать квазигосударственные структуры³².

Известно, например, что процессы формирования многих стран Нового Света сопровождались попытками создания европейскими иммигрантами собственных этнонациональных территорий: Новой Англии, Новой Голландии, Новой Швеции, Новой Польши и т.п. В этом историческом акте вполне четко просматривается тенденция к продолжению своей этнонациональной истории в новом пространственно-временном континууме. Правда, последующие периоды аккультурации в форме интеграции и даже ассимиляции с частичной или полной потерей этнической культуры страны происхождения дали основание западным специалистам и их отечественным адептам заявлять о том, что этнос – это всего лишь научный конструкт, или некая метафизическая сущность, воплощенная на практике в виде такой субъективной величины, как ситуативная коллективная идентичность. Сам этнос и этнические процессы объявлены ими в реальности несуществующими, и вместо них объектами изучения, по мнению указанных специалистов, становятся этничность и так называемые этнические группы. Первая (этничность) понимается ими не как определенное антрополого-социальное качество, напрямую сопряженное с этносом, а как реальность, обнаруживаемая в форме «групповой – возникшей в процессе приписывания себе и другим определенных черт – идентичности, характер которой не определяется "вещественными" культурными признаками, но в которой, однако, представление о различных широких общностях способствует формированию рамок для коллективных действий»³³. Вторые же (этнические группы) в отличие от многомерного этноса, который в теории этноса является динамической системой³⁴, отождествляются некоторыми представителями концепции этничности с первой, т.е. с самой этничностью³⁵. И это происходит не случайно, ибо если теория этноса «грешит» диахронным видением этнического феномена, не ограничивая его никакими историческими рамками, то концепция этничности в лице ее наиболее непримиримых противников примордиализма – конструктивистов – рассматривает этот феномен исключительно как ситуативное (синхронное) социокультурное начало, сосредоточенное скорее на индивидуальном, чем на групповом уровне.

Между тем истина лежит, как всегда, посередине: историчность этнического фактора в социуме безусловна, но не безгранична. Изучение сути этногенетического процесса дает основание говорить о доэтническом периоде развития человеческого общества, когда оно имело скорее биолого-социальную, чем социально-биологическую доминанту³⁶. Лишь в результате длительного и сложного взаимодействия родоплеменных культур постепенно выкристаллизовался новый тип общности, базировавшийся на комплексе социальных связей, но при сохранении элементов родственности через различные формы существования семьи. Кстати сказать, именно это качество новой общности, получившей в обыденном сознании наименования народ, *lud*, *reople*, *volk* и множество других, перечисление которых заняло бы много места, а в научной практике определяемой как этнос (от древнегреческого слова *ἔθνος*), радикально отличает последний от других социумов. Ни в одном из них, точнее, в идентичности их членов, нет семейственности как одной из поздних форм более пространственной родственности (род, племя), являющейся одним из главных механизмов этнического самосознания.

Именно поэтому трудно переоценить роль семьи, сохраняющей и передающей «этническое» или «этническую субстанцию» из поколения в поколение. Из этого, правда, вовсе не вытекает, что семья – этническая микроструктура или носительница основных этнических свойств и главный канал воспроизводства этнической специфики³⁷, но это и не означает отсутствия этничности в семье, ибо последняя сама есть часть этноса и главный инструмент эндогамии. Этническая функция семьи вместе с другими ее социальными функциями становится еще более значимой и поэтому она стала одним из существенных объектов этнографического изучения. И не только

среди отечественных этнографов (этнологов)³⁸, но и среди западных ученых, занимающихся социальными проблемами в этническом контексте³⁹.

Эмпирическая часть моих многолетних исследований польских диаспор в различных странах мира включает также и семейную тематику, поскольку в составе любой эмиграции значительно преобладают семейные люди. Это утверждение можно отнести прежде всего к массовой экономической эмиграции. Именно за счет нее возникает то необходимое число иммигрантов или то популяционное накопление, которое преобразует «безликую» иммиграцию в «личностную» этническую группу.

Итак, оценивая все сказанное выше, следует признать, что похороны отечественной «теории этноса», устроенные чужими и своими постмодернистскими концептологами, не только преждевременны, но и необоснованны, о чем автору этих строк уже приходилось писать⁴⁰. В этой связи стоит лишь остановиться на некоторых моментах, способных показать, что критика в адрес «теории этноса» – это часто результат небрежности в толковании многих ее постулатов, а также отношения к ней как к одной из «служанок» поверженной коммунистической идеологии. Недоброжелателей этой теории раздражает прежде всего ее фундаментальность, которая теперь не в моде. Сегодня в моде «легкость ума необыкновенная» и один торжествующий принцип – отсутствие всяких принципов.

О нынешней ситуации, сложившейся вокруг «теории этноса», совершенно верно написал С.Е. Рыбаков в статье «О методологии исследования этнических феноменов». Говоря о громадном вкладе в теорию этнологии таких крупных отечественных специалистов, как С.П. Толстов, С.А. Токарев, Н.Н. Чебоксаров, Ю.В. Бромлей, В.И. Козлов, С.А. Арутюнов, Ю.И. Семенов, он замечает, что, «...к сожалению, сегодня как-то постепенно оказалась фактически отвергнута как раз "теория этноса" как таковая, причем отринута не прежняя идеологическая "начинка", а по сути сама фундаментальная наука об этническом. Отдельные исследователи еще продолжают на страницах научных журналов и периодической печати самозабвенно и порой не слишком корректно нападать как на Ю.В. Бромлея, так и (кстати, гораздо чаще и бестактнее) на его главного оппонента Л.Н. Гумилева, также ушедшего из жизни. При этом они упорно не замечают того, что сегодня практически исчез уже сам предмет спора, существовавший 10–15 лет назад, – собственно проблематика этнологии как теоретического знания об этнических феноменах (этничности, этносе, нации) и методологии их научного исследования»⁴¹.

В критике «теории этноса» присутствует и простое незнание всего ее наследия, в котором, кстати, можно найти то, что она якобы игнорировала. Оказывается, идеи, которые теперь приписывают себе конструктивисты (в плане понимания «этнического» в человеческом обществе) уже высказывались учеными XIX столетия. Ю.В. Бромлей в монументальном труде «Очерки теории этноса», поднимая эту проблему, приводит цитату из труда французского антрополога П. Топинара: «под этническими признаками разумеют все факты, вытекающие из соединения людей между собой, под влиянием какого бы то ни было побуждения: общественных нужд, выгоды, личного произвола или воинственных наклонностей»⁴². Стоит лишь «этнические признаки» П. Топинара заменить на «этничность», как получится одна из главных дефиниций последней, являющаяся, как известно, основной категорией в одноименной концепции, в которой конструктивизм занимает лидирующие позиции.

Как уже отмечалось, приверженцы конструктивизма как на Западе, так и у нас выступают прежде всего против историко-культурной реальности этноса, считая его не только научной абстракцией (это, как указывалось выше, признавал и Л.Н. Гумилев), но и вообще неким конструктом, даже фантомом, возникшим с легкой руки С.М. Широкогорова⁴³ и введенным в широкий научный оборот примордиалистами всех мастей и прежде всего представителями советской теоретической мысли. Этот конструкт, по их мнению, не может быть операбельным⁴⁴, поскольку является искусственной моделью, состоящей из множества социальных связей людей, обнаруживающих, в зависимости от ситуации, способность самоидентифицироваться в форме куль-

турных и языковых различий. Выяснение того, что лежит в основе этой способности, какова глубинная природа данного явления, каковы его исторические корни и многое другое, в том числе и несколько раз уже упоминавшаяся «этническая субстанция», остаются за пределами их рассуждений. Этнические же признаки (язык, традиционная культура, этническое самосознание), выступающие в «теории этноса» как его главные атрибуты, по мнению конструктивистов, не имеют исключительной этнической принадлежности, а являются общесоциальной прерогативой. «Конструктивизм и его постсоветские приверженцы не принимают прежде всего примордиалистскую составляющую в теории этноса, т.е. по сути дела они отвергают сам процесс этногенеза»⁴⁵.

В практике человеческого общежития этнос – это действительно социальная единица, обнаруживаемая посредством множества социокультурных связей. Именно это придает этносу сложную и неоднозначную форму. Однако и теория, которая носит его имя, никогда не заявляла о наличии этноса в качестве отдельно структурируемой социальной сущности. В книге «Этнос и этнография» Ю.В. Бромлей прямо указывал, что «в объективной реальности этнос не существует вне социальных институтов, выступающих в роли его структурообразующей формы»⁴⁶, и в подтверждение этих слов привел мнение М.И. Артамонова о том, что «этнос сам по себе – аморфное явление»⁴⁷. Этноты, таким образом, в историческом контексте предстают в виде реальных русских, немцев, японцев и нескольких тысяч других подобных им общностей, обусловленных всей суммой их социальной жизни. В этом смысле этноты (народы) – общности, условно существующие в социуме, что, как видно из приведенных выше цитат, признавала и теория этноса. И выстрел в ее сторону за то, что ее создатели «сами сотворили миф о безусловно объективной реальности этнических общностей как неких архетипов»⁴⁸, очень похож на стрельбу «из пушки по воробьям».

Главный недостаток теории этноса, по-моему, – типология этнических общностей, основанная на видении стадийного развития этноса в соответствии с марксистской концепцией о социально-экономических формациях в развитии человеческого общества. Типологическая триада «племя – народность – нация», как уже указывалось, вряд ли может считаться собственно этнической, поскольку племя – еще не этнос, хотя и несет в себе определенную этническую энергию и потому вполне может именоваться праэтносом; народность – это скорее этническое качество, а не общность; нация же может быть охарактеризована как общность, вызванная к жизни совокупностью социально-исторических факторов, где экономические, социальные, политические, идеологические факторы находятся в диалектическом единстве с фактором этническим⁴⁹. Такое видение нации дает основание назвать эту общность постэтнической.

До сих пор проблема типологии этнических общностей стоит в ряду самых острых проблем в теории этнологии. После широкой дискуссии 1988–1989 гг. на страницах ежегодника «Расы и народы»⁵⁰ ничего знаменательного в разрешении этой проблемы не произошло. Помнится, в ходе той дискуссии типология этнических общностей постоянно связывалась с проблемой этнической таксономии, однако дальнейших предложений, какие характеристики необходимы, чтобы данную общность считать этносом, дело не пошло. А между тем именно таксономические уровни этничности, или степень этнических связей, служат, по всей видимости, единственной основой для вычленения типов этнических общностей, одним из которых является сам этнос. Смело предположить, что этногенетический процесс протекал (и протекает, возможно, до сих пор) в направлении к более тесным этногенетическим связям, т.е. от суперэтнических образований к мелким этнографическим группам. По сути дела племена, которые в исторической науке принято называть союзами племен (кельты, пикты, германцы, славяне, англосаксы и многие другие), являлись не чем иным, как суперэтносами, составные части которых в результате формирования политических структур в виде древних государств обособлялись одновременно с усилением всех социальных, а значит, и этнических связей. Именно таким образом возникли народы-этносы, которые в свою очередь способны делиться на более мелкие этнические

подразделения: субэтноты и этнографические группы. Ведь все эти названия, от которых мы почти уже отказались в результате навязываемой нам «анафемы» в отношении теории этноса, родились в результате этнографического изучения социумов различного таксономического уровня⁵¹.

В предложенной выше типологии этнос можно считать одним из типов этнических общностей и одновременно их родовым понятием. По сути дела представленная здесь типология этнических общностей уже имела место в нашей науке, но существование другой типологии, освященной марксистско-ленинской методологией и авторитетом Ю.В. Бромлея, не позволило осознать ее таковой⁵². Предложенная типология хорошо коррелирует с различными уровнями (или степенями) этнического самосознания. Самое слабое осознание своего культурно-исторического единства наблюдается, конечно, у представителей суперэтноты, а самое сильное – у членов этнографической группы. Степень напряжения этнического самосознания у всех перечисленных типов соответствует тому месту, которое они занимают в этой типологии. Что касается этнической группы, то ее, по-моему, нельзя рассматривать в качестве одного из типов этнической общности, поскольку она является репродукцией (или «сколом») каждого из перечисленных выше типов: суперэтноты, этноты, субэтноты и этнографической группы. В отличие от своих «прародителей», у которых изменение этнического самосознания может быть растянуто во времени на несколько веков, этническая группа демонстрирует быстрое, в течение двух поколений, изменение идентичности своих членов⁵³.

Представители социально-культурной антропологии в качестве материализованной (точнее, квазиматериализованной) этничности признают именно этническую группу, не признавая приведенную выше иерархию этнических единиц. В таком качестве этническая группа становится синонимом этнической общности, тогда как эмпирический материал по польским этническим диаспорам показывает, что «исторически и культурно детерминированная одна и та же этническая единица, члены которой долгое время идентифицируют себя через реальный историко-культурный образ, в то же время в различных экономических, социальных, политических и культурных обстоятельствах ведет себя неодинаково, обнаруживая тем самым важные тенденции развития полиэтничных обществ, коими являются большинство современных государств»⁵⁴. Восприятие этого образа в теории этноса и концепции этничности диаметрально противоположно. Первой важна сама природа образа, второй же интересен процесс его конструирования, который действительно имеет место в иммигрантской социальной практике, особенно в современных суперполисах. На этом социокультурном акте и построена вся концепция этничности, которая, как указывалось выше, не признает исторической парадигмы развития человеческого общества, в том числе и этнического, строя методологию исследования более всего на синхронизме. Именно поэтому ее главной научной категорией стало понятие, обозначаемое в английском языке термином «ethnicity» и переводимого, как уже говорилось, на русский как «этничность»⁵⁵.

Достаточно убедительное объяснение многозначности термина «этничность» в западной социально-культурной антропологии дается в одной из работ известного польского этнолога А. Посерн-Зелиньского. Термин «ethnicity», по его мнению, служит «для интерпретации почти всех (выделено мною. – И.З.) этнических и расовых явлений, которые имели место в двухсотлетний период формирования американской нации»⁵⁶. Это, правда, касается не только Соединенных Штатов, но и почти всех стран Нового Света, где автохтонными были лишь индейские культуры, которые к настоящему времени или уничтожены вместе с их носителями, или в различной степени ассимилированы иммигрантскими культурами Старого Света. По всей видимости, именно поэтому такая диахронная и системная категория, как этнос, включающая вместе с другими ее составляющими понятие этнической территории, по определению была отвергнута представителями социально-культурной антропологии (здесь нетрудно заметить латентно присутствующий идеологический фактор: если не оправдание,

то замалчивание жестокого колониального прошлого в истории западного мира)⁵⁷. Вместо многомерного «этнуса» у них в качестве социокультурной реальности действует одномерная, как им представляется, «этническая группа». Однако, по мнению других западных исследователей, этническая группа вовсе не простое социокультурное образование. Оно обусловлено степенью аккультурации и ассимиляции его членов и, по Е. Френсису, в зависимости от этого может условно проходить следующие этапы: 1) иммигрантская общность, 2) этническая группа первой стадии развития, 3) этническая группа второй стадии развития, 4) этническая категория⁵⁸.

Подобная характеристика этнической группы тем не менее не помешала упомянутому выше ее отождествлению с этничностью, что, как считает А. Посерн-Зелинский, «нельзя принять прежде всего потому, что она (характеристика. – И.З.) игнорирует субъективистские параметры этнической идентификации, концентрируясь только на аспектах, концентрирующих внимание на существовании отличных друг от друга этнических коллективов»⁵⁹. Кстати, этот критикуемый польским ученым аспект в понимании этничности совсем не типичен для самого радикального крыла приверженцев концепции этничности – конструктивизма; его представители, наоборот, выделяют в исследовании этничности именно субъективистские параметры и склонны отождествлять ее с этнической идентичностью. Но тот же А. Посерн-Зелинский вполне справедливо считает, что синонимия этничности с этнической группой и с этнической идентичностью мешает установлению ее истинных места и роли в социуме. «Удовлетворительная дефиниция этничности, – считает польский ученый, – должна учитывать оба эти аспекта, раскрывая связь этнически обусловленных поведенческих действий с их культурными образцами и символикой, идущими от культурного наследия. Именно таким образом понимаемая этничность будет проявляться не только посредством форм организованной жизни отдельных этнических общностей (например, через принадлежность верующих к своему приходу), но также в формах, труднодоступных для постороннего наблюдателя, например в случайных актах этнической солидарности, в специфике культурных интересов или в формах психологической связи с кругом лиц одинакового происхождения»⁶⁰. Данная дефиниция очень близка к той формуле, которая была предложена мною выше в понимании этничности как народности, т.е. определенного социокультурного качества, в котором сосредоточен весь комплекс материальных и духовных особенностей народа (этнуса). Подобная формула этничности (народности) «наиболее объемно отражает суть последней, обнаруживая в этом сложном социальном феномене сочетание историзма и инструментализма и, казалось бы, примиряя тем самым сторонников примордиалистского и конструктивистского подходов к осмыслению данного феномена»⁶¹.

Тем не менее западный постмодернизм и его постсоветские последователи продолжают настаивать на истинности своего понимания этнического в социуме, игнорируя тот факт, что социум и его отдельные части, исторически развиваясь, изменяют и свои различные составляющие: от экономических до культурных. И нет ничего удивительного, что этническая составляющая социума также изменяется во времени и в пространстве⁶² и что в нынешних нетрадиционных обществах этническая идентичность действительно становится, пожалуй, одним из главных проявлений этнофора, будучи некоей итоговой идентичностью, «...которая включает в себя целые ряды статусов, ролей и меньших по своему значению идентичностей»⁶³. Исчезновение традиционности и этнокультурная аморфность, наблюдаемая в современных гражданских обществах, позволяют некоторым западным специалистам оценивать этнические общности как ситуативные социальные конструкты, не имеющие реальной культурно-исторической основы, поскольку люди, принадлежащие к одной и той же социальной группе, в различных жизненных ситуациях в этнокультурном плане могут быть разными. «С этой точки зрения, – считает Ф. Барт, – критическим моментом исследования становится этническая граница группы, а не ее культурное содержание»⁶⁴.

Поддержанная В.А. Тишковым бартовская формула «этнических границ» стала причиной отказа от многих теоретических наработок отечественной теории этноса. Этнос как научная категория заменен на этничность, которая вслед за Ф. Бартом понимается В.А. Тишковым «...как форма социальной организации культурных различий»⁶⁵. Главным инструментом поиска очертаний групп и их этнических границ признается «самокатегоризация или категоризация другими»⁶⁶. Однако то и другое – величины сугубо иррациональные и слабо поддающиеся научному анализу. Современные этнопсихологические методики работают лишь в суженном поле специальных исследований и вряд ли способны обнаружить бартовские этнические границы. Более того, любые этнические границы весьма относительны. А если принять во внимание еще и факт постоянного взаимодействия этнических общностей, то и их границы подвержены процессу перманентного изменения. Эта аксиома никак не позволяет нам рассматривать границу этнической общности в качестве ее детерминирующего признака, как в принципе и другие признаки (материальную и духовную культуру, язык и другие, считающиеся в теории этноса этническими). Исключительной конституирующей основой этнической общности во всех ее типологических ипостасях (суперэтнос, этнос, субэтнос, этнографическая группа) скорее можно считать этническое самосознание. Именно оно (хотя, как мы уже отмечали, в разной степени) синтезирует в себе весь сложный комплекс популяционных, историко-культурных и поведенческих черт каждого из перечисленных типов этнической общности.

Этническое самосознание, таким образом, это не результат «...умозрительных построений, а приобретшие характер бессознательного начала духовно-нравственные ориентиры народа, выражающиеся в его типичных поступках и реакциях, во всех проявлениях духовной жизни... Скорее всего это узлы народной психики (по Л.Н. Гумилеву – «стереотип поведения». – *И.З.*), предопределяющие самый вероятный вариант практического выбора в тех или иных условиях»⁶⁷. Феномен этнического самосознания, получивший в западной концепции этничности наименование «этнической идентичности», изучен еще недостаточно. «Но именно через него до сих пор раскрывается идентификация людей с той или иной этнической культурой, традиционные черты которой вытесняются или уже вытеснены современной нетрадиционной надэтнической культурой, несущей в себе общечеловеческие черты и формы»⁶⁸.

Что касается этнических групп, так или иначе являющихся частями исторически сформировавшихся народов (этносов), то они, существуя в отрыве от своей исторической территории, чаще всего представленной в виде государства, в чужом «культурном поле» приобретают новый этнический облик, черты которого зависят от пространственно-временных факторов. В этом случае процесс идентификации, выраженной через идентичность членов данной группы, вполне может зависеть от чужого предписания и собственного самоопределения (*ascription and self-ascription*), и этничность как определенное социокультурное качество может приобретать организационные и институциональные различия⁶⁹. Тезис, который конструктивисты распространяют на все типы этнических общностей, что по сути неверно, нисколько не проясняет тех теоретических проблем, которые стоят перед современной этнологической наукой, будь она автономна или находящаяся в составе социальной и культурной антропологии.

Однако, не принимая структуралистского и архетипического подходов к пониманию этничности и этноса, современные приверженцы конструктивизма не могут расстаться с такой структурной и вполне объективной категорией, как «этническая группа». Но если не существует таксономических различий между этносом и этнической группой, то первый и вторая становятся синонимами и в принципе отличаются друг от друга лишь звукописьменной формой. В этом плане ничего не проясняет и попытка В.А. Тишкова заменить «органическое видение этноса», имеющего в своей дефиниции перечень пополняющихся во времени признаков, на такое понимание этнической общности (или этнической группы), при котором ее члены объединены

представлениями об этих признаках⁷⁰. Ничего не объясняет и постулат о том, что «признаком этнической общности является «не общее происхождение», а представление или миф об исторической судьбе членов этой общности»⁷¹. Представление и миф об общем происхождении есть лишь психологическое воплощение реально существовавшей (или существующей) историко-социокультурной этногенетической общности⁷². Справедливости ради необходимо отметить, что к этнической группе это относится в более опосредованной форме, поскольку она является диаспорным образованием этногенетической общности, а ее возникновение, развитие и исчезновение – более краткосрочные явления, и поэтому они не становятся предметом мифологии.

Прежде мне уже приходилось приводить доводы против радикализма в противопоставлении объективного и субъективного факторов в феномене этничности, отмечая мнимый характер непримиримых противоречий между примордиализмом и инструментализмом. Подходы последнего к пониманию этничности – «один их многих аспектов в исследовании этого многомерного и многофункционального социального феномена»⁷³. Один, но далеко не единственный. В этой связи стоит вспомнить теоретико-методологические разработки польских ученых, которые длительное время, имея в своих руках обширный эмпирический материал по множеству польских диаспор и находясь в зоне влияния различных научных школ, смогли синтезировать лучшие стороны их концептуальных положений. Кстати, польские ученые еще в межвоенный период были пионерами в понимании этничности (правда, тогда этот термин еще не существовал, но то, что они имели в виду, вполне соответствовало содержанию этого понятия) исключительно как субъективной категории. Однако позднее польские ученые признали наличие в нем и вполне объективных черт⁷⁴.

А теперь вернемся к ситуации в теоретико-методологической области этнологии, сложившейся в России. Нынешняя инструменталистская модель обнаружения этничности в социуме, поддерживаемая рядом отечественных критиков советской теории этноса, не могла не вызвать соответствующей реакции, выразившейся в появлении на страницах «Этнографического обозрения» целого ряда публикаций, которые так или иначе ставили своей целью дать интегрированное понимание проблемы⁷⁵. Среди них наиболее значимой была статья С.А. Арутюнова «Этничность – объективная реальность»⁷⁶, являющаяся прямым откликом на уже много раз упоминавшуюся здесь статью С.В. Чешко «Человек и этничность». С помощью логически точных рассуждений на тему реального существования в постсоветском пространстве различных этносов, ведущих жаркие «дискуссии» как в своей среде, так и между собой и не ставящих под вопрос собственные реальность и объективность, С.А. Арутюнов приходит к выводу, что «в этих жарких дискуссиях нет ничего иррационального, надсоциального, надуманного. Аргументация их может быть чудовищно иррациональна, но сами они материальны, прагматичны, являются объективной реальностью, выражают материальные интересы объективно существующих групп»⁷⁷.

Однако это только один из аспектов вычленения этничности из всей структуры социума, точнее, этносов, понимаемых в отечественной научной практике в качестве историко-социокультурных реальностей. Здесь традиционно присутствует принцип историзма, сохранившийся и в наших этносоциологических исследованиях, на основе которых, собственно, и произросла советская теория этноса. Западная же концепция этничности строит свое понимание этнического в социуме на фундаменте прикладной социологии, в методологии которой историзм и онтологизм как таковые отсутствуют. Сторонники этой концепции оперируют такими социальными реальностями, в которых уже частично или полностью исчезла традиционная культура – основной стержень общностей, воспринимаемых в обыденном сознании как народы (этносы). Концепция этничности возникла из конкретных социологических исследований западных полиэтнических индустриальных и постиндустриальных обществ, в которых этнические реалии действительно представлены в виде небольших групп, а в относительно моноэтнических государствах (Франция, Италия, Польша и др.) этносы

(народы) давно ассоциируют с совокупностью большинства граждан страны (нация), перейдя из разряда социокультурных единиц в разряд социально-политических (о проблеме нации и национализма разговор пойдет ниже).

Подобным же образом этничность проявляется в условиях диаспорности – исторического феномена, породившего собственно этнические группы. В отличие от самосознания членов этноса, имеющего длительный пространственно-временной континуум, этническая идентификация иммигрантов, вырванных из этого континуума, носит более индивидуалистический и конструирующий (точнее, реконструирующий) характер. А если к этому еще прибавить аккультурационный и ассимиляционный контексты, то становится ясно, что этническая группа – это довольно-таки полиморфное в социокультурном смысле образование, и идентичность его членов действительно во многом ситуативна и имеет несколько уровней. Это объясняет распространенную до известного времени среди западных специалистов четырехчленную дефиницию этнической группы: биологически обусловленную непрерывность, общность культурных ценностей, общее пространство коммуникации и взаимодействия, отличие от подобных групп. Однако после программных постулатов уже упоминавшегося Ф. Барта два первых члена этой дефиниции были модифицированы на: 1) уверенность членов группы в том, что они имеют общее происхождение; 2) убежденность этих членов группы вместе с иноэтническим окружением в том, что их объединяет специфическая культура. По мнению польского ученого С. Шинкевича, «подобные изменения произошли в результате распространенного мнения (нельзя не добавить, что оно особенно распространено среди авторов и адептов концепции этничности. – И.З.) о том, что объективных критериев в различении этнических групп не существует... и в связи с этим надо полагаться на самодефиницию как выражение группового сознания»⁷⁸.

С. Шинкевич, признавая все более растущую степень полиэтнизации современного общества и заметную субъективизацию при самоопределении этнических групп, обращает особое внимание на существование объективных черт в контексте их отличия друг от друга. Суть этого отличия, по его мнению, состоит в том, что любая этническая группа объединена общей информационной системой, которая воспроизводит определенное социокультурное содержание, подчеркивает идейно-историческую общность или распространяет ценности, составляющие этническую идентичность⁷⁹. Тут нельзя не вспомнить трактовку феномена этничности, которая имела место в уже упомянутой статье С.А. Арутюнова. «В основе возникновения и самоподдержания этносов, – пишет он, – лежат сгустки коммуникационных, информационных связей. Они же, несомненно, лежат и в основе создания других общественных группировок – религиозных, профессиональных, политических, спортивных, любительских и т.д. Однако все такие группировки основываются на сгустках тематически выборочных инфосвязей, и только этнос базируется на лишенной всякой выборочности их всеобщей совокупности»⁸⁰. Следует лишь добавить, что объективными маркерами, появившимися с момента их исторического возникновения, являются так называемые этнические признаки: специфическая культура (лучше назвать ее символической, которая вмещает все: от материальной культуры до поведенческих особенностей), язык, этноним и этническое самосознание. На исключительное значение последнего в качестве основного проявления социокультурной идентичности людей указывали многие специалисты, но некоторые из них пошли еще дальше, считая, что само этническое самосознание «не отражает какое-либо существующее единство, а само вместе с этнонимом становится единственным объединяющим признаком. Тогда, – по мнению автора приводимой цитаты Е.М. Колпакова, – появляется возможность осознания любых признаков как этнических... На этом основана иллюзия того, что этническое самосознание – это субъективное отражение объективно существующей общности по этим признакам. На самом деле наоборот: они потому и становятся этническими признаками, что осознаются людьми как таковые»⁸¹.

Подобная инверсия действительно имеет место, однако она справедлива скорее в отношении современных постиндустриальных полиэтнических обществ, нежели обществ, сохраняющих традиционную культуру, изучение которой и есть один из главных предметов исторической этнографии⁸². Именно на ее базе создавалась советская теория этноса, тогда как западная концепция этничности есть продукт конкретных (часто исключительно прикладных) социологических исследований. Это и предопределило их, на первый взгляд, глобальное расхождение в понимании места и роли этнического феномена в социуме, хотя, как мне уже приходилось не однажды писать, это расхождение неантагонистично по своей сущности, поскольку рассматривается один и тот же феномен, проявляющийся в исторической перспективе через разные социокультурные реалии.

Противоречие этих двух научных направлений носит не столько теоретико-методологический, сколько идеологический характер, что вполне объяснимо: теория этноса – это продукт мировоззрения, основанного на идее развития человеческого общества. Она, как писал по другому поводу Б.Ф. Поршнев, «служит альтернативой тенденции ликвидировать историзм в науках о человеке... Эта тенденция означает устремление к статике, максимально возможное элиминирование генезиса и хронологической динамики»⁸³. Все это в полной мере относится к концепции этничности, создателям которой «идея развития... сейчас представляется наследием XIX в., уходящим на протяжении XX в. на склад и упокой из арсенала "большой мысли". В освобождении от категории развития усматривают известный мыслительный выигрыш – в уровне обобщения, ибо эта тенденция научной мысли сокращает прежде всего генезис обобщаемых явлений и тем самым их "субстрат". Иными словами, из поля зрения устраняется изменчивость явлений во имя их формализации и моделирования»⁸⁴.

Вся беда теории этноса (и многого из того правильного, что было создано в период «владычества» марксизма), состоит в том, что она оказалась в одном ряду с действительно идеологизированными (точнее, политизированными) пустопорожними «научными» изысканиями, которые, к сожалению, превалировали в советском обществоведении и теперь (что несправедливо по отношению ко всем научным работам советского периода) рассматриваются в качестве его характерной особенности в целом. Разве можно считать истиной тот факт, что социально-экономическое и политическое поражение общества, развивавшегося под влиянием идей марксизма, ставит крест на всем содержании этого учения, в том числе и на постулате развития? Разве правильно отречься от того, что научно по существу и не является исполнением прямого политического заказа? Тем более что опосредованно такой заказ можно найти всегда и везде, даже во внешне незаангажированных научных исследованиях.

Аидеологичность и аполитичность ученых Запада (буржуазной науки нет, как не было ее и социалистической, если она, конечно, наука. А наука в советское время, в противовес теперешним отрицаниям, все-таки была) – это не совсем корректное утверждение. Просто буржуазное общество в отличие от того, в котором мы жили до недавнего времени, очень плюралистично, т.е. вмещает в себя различные мировоззрения и политические убеждения. Но это вовсе не значит, что все они свободны от тех или иных идеологических установок, главная из которых так или иначе сводится к защите буржуазных ценностей и оправданию их существования «как лучших из всех зол», имеющихся в общественном устройстве человечества. Наиболее распространной формой научного обоснования подобных взглядов стал в последние полвека постмодернизм (кстати, не только в науке, но и в литературе, и в искусстве), методологически ориентированный на понимание многих явлений бытия в релятивистском аспекте. Относительность познания абсолютной истины трудно отрицать (этого, кстати, не делают даже ортодоксы материализма), однако превращать данный недостаток человеческих возможностей в их достоинство, что часто наблюдается в философии постмодернизма, значит с самого начала обрекать научный поиск на половинчатость и незавершенность, видя в нем лишь сиюминутную, прикладную ценность⁸⁵.

Более всего этот тезис раскрывается в освещении проблемы нации и национализма. Ранее мною уже постулировалось, что нация, а также племя и народность не могут считаться типами этноса, поскольку не являются собственно этническими общностями. Этой проблеме была посвящена моя уже не раз упоминавшаяся здесь статья «Исторические рамки феномена этничности»⁸⁶, основная идея которой сводилась к тому, что в историческом контексте нацию следует считать не этнической, а постэтнической общностью, или, если пользоваться терминологией Ю.В. Бромлея, этносоциальным организмом буржуазного типа (социалистические нации не в счет, поскольку они как раз были предельно этнизированы и представляли собой, в противовес западным гражданским нациям, этнонации), где этническое начало (т.е. собственно этническое) растворяется в государственно-гражданских структурах общества. Это, конечно, довольно упрощенная схема трансформации этничности в гражданственность, однако в ней ясно просматривается «объективный факт существования соответствующего феномена»⁸⁷, т.е. нации. И в этом смысле нация – это результат вполне естественного и закономерного исторического процесса, несмотря на то, что в нем заметно присутствовало политическое предпринимательство в форме идеологии и практики, базирующейся «на представлении, что основой государственности, хозяйственной и культурной жизни является нация»⁸⁸.

Но (в который раз!) необходимо подчеркнуть, что без наличия объективных причин социально-экономического, политического и культурного характера, возникающих в ходе развития человеческого общества, искусственное конструирование тех или иных его подразделений невозможно. А именно так понимают возникновение нации некоторые современные обществоведы⁸⁹. «На самом же деле, – совершенно верно замечает С.Е. Рыбаков, – формирование данной общности, хотя и предполагает, в отличие от рождения общности этнической, существенную долю искусственности, но этот процесс был бы невозможен без естественной исторической обусловленности»⁹⁰. Тем не менее странным и противоречащим приведенным выше словам звучит заимствованный С.Е. Рыбаковым у Э. Геллнера тезис о том, что «именно национализм порождает нации, а не наоборот»⁹¹. Однако процесс нациестроительства, о котором далее пишет С.Е. Рыбаков, совершенно справедливо указывая, что цель его – гомогенизация общества, основан не «на сколачивании» нации из «мутировавшего», частично деэтнизированного «человеческого материала»⁹², а на реальном историко-социокультурном доминировании одной из этнических культур «национализирующегося» государства. И все, что было связано с этим естественным и закономерным историческим процессом, вполне можно назвать национализмом (так во всяком случае происходило на родине нации и национализма – во Франции). И тут уж вопрос о том, что возникло раньше – нация или национализм, не имеет никакого значения, как и извечная проблема первичности яйца или курицы.

Таким образом, «гражданский» по результату еврационализм в основе своей этничен и в исторической перспективе, о чем я писал ранее, его вполне можно квалифицировать как «постэтнос». Что касается этнонационализма, то в нем, в отличие от гражданского национализма, процесс нациестроительства, базирующийся также на гомогенизации общества, еще не завершен в смысле «претензий на власть и государство»⁹³ (в этом контексте гражданский еврационализм в период своего формирования тоже являлся этнонационализмом). Именно поэтому современные проблемы, связанные с нацией и национализмом, перестают быть собственно этническими, а все более и более становятся сферой политики и квазинауки, получившей название «политология». Именно с этой точки зрения становится понятным призыв В.А. Тишкова, вынесенный в заголовок его статьи «Забудь о нации». Но в подзаголовке ее – «постнационалистическое понимание национализма» – слово «постнационалистическое» правильной было бы заменить на «постэтническое». Говоря о постэтнической парадигме нации и национализма, этнологам не следовало бы полностью отгораживаться от общественного явления, так или иначе связанного с этнической проблематикой. Более того, нет надобности повторять, что термины

«нация» и «этнос», став теперь модными, освоены многими далеко не научными кругами в неблагоприятных целях. И отдавать им на откуп обозначаемые этими терминами явления, определяющие путь дальнейшего развития человеческого общества, не только ошибочно, но и преступно. К сожалению, многие общественные явления превратились в предметы жонглирования околонаучными предпринимателями от политики, экономики, культуры и, конечно, журналистики. Последняя все более и более претендует на место четвертой власти в современном обществе. А раз так, то вседозволенность и безнаказанность ее действий становятся нормой и правилом общества, большинство членов которого уже находится в психотропном поле информационной системы, выполняющей заказ мирового «золотого мешка». Последним рубежом на пути этой опасной экспансии бессовестности и невежества должна стать иная система взглядов и ценностей, основанная на подлинно научном осмыслении человеческого общества в диахронном и синхронном аспектах. И залогом этого может быть разумная интеграция различных научных теорий и концепций, в том числе и тех, которые так или иначе отображают место и роль этничности в социальном развитии современного общества.

Заканчивая раздел, посвященный теории и методологии этнологии, а также социальной/культурной антропологии, следует особо подчеркнуть, что эта сфера научных дисциплин, занимающихся изучением человека и его общества, прямо или косвенно связана с идеологией, т.е. с мировоззрением ученого или группы ученых, возникающим под влиянием того общества, в котором он сформировался как личность. Нет надобности долго останавливаться на том, что идеологических взглядов, в том числе и научных, на основе которых строятся различные теории и концепции, не существует. Другое дело, что последние могут быть прямо и откровенно идеологически детерминированными, как это происходило в советское время. И теперь некоторым отечественным обществоведам хочется как можно скорее и дальше убежать от этого греха, выбросив по пути и достижения, осуществленные советскими учеными и часто свершенные вопреки идеологическому прессу.

Автор данной статьи, в прошлом не участвовавший в разработке теории и методики отечественной этнографической науки, признает их ценность и значимость, как не отрицает и многих интересных наблюдений западных социально-культурных антропологов, касающихся современных этнических проблем, особенно тех, которые встают перед постиндустриальными плюралистическими обществами. Подобная позиция есть результат моего многолетнего изучения польских диаспор в различных странах мира, а также постоянного наблюдения за теоретико-методологическими исследованиями польских этнологов вкуче с их разработками в понятийно-терминологической области этнологии.

Понятийно-терминологический аспект

Важную, если не решающую роль в понимании феномена этничности играет понятийно-терминологический аппарат нашей науки, о чем мне приходилось уже писать⁹⁴. В контексте данной статьи на этой проблеме необходимо остановиться более подробно.

Обращаясь к вопросу о научных понятиях и их терминологическом воплощении, опять же нельзя не вспомнить о традициях отечественной этнологии – ее ориентации на изучение фундаментальных вопросов общественного бытия. Это ее качество отчетливо проявилось и в отношении отечественных этнологов к своему научному инструментарию, хотя следует признать, что и в этой сфере продолжает ощущаться нехватка унифицированности, особенно в области концептуальных проблем нашей науки. Порою наши дискуссии по тем или иным проблемам сводятся в конце концов к терминологическим баталиям⁹⁵, которые не только не снимают действительно существующую проблему предмета этнологии, но, напротив, обостряют ее еще более.

Этот тезис не может, однако, перечеркнуть того, что было сделано в этой области отечественными специалистами. И необходимо сразу сказать, что, благодаря именно их стараниям и активному участию, была выпущена целая серия публикаций под общим названием «Свод этнографических понятий и терминов», состоящая из шести тематических выпусков⁹⁶. Этот фундаментальный труд обнаруживает непреходящее значение научного инструментария, без развития и совершенствования которого трудно сохранить нашу науку в ряду наиболее значимых в деле исследования человека и созданного им общества. Но это вовсе не значит, что обогащать этнографический инструментарий следует за счет терминов, скалькированных из западной социологии и социальной/культурной антропологии. Понимая это, отечественные ученые в свое время предлагали более эффективный путь интеграции в данной сфере, о чем речь пойдет несколько ниже.

Стоит еще раз напомнить, что один из самых фундаментальных трудов Ю.В. Бромлей «Очерки теории этноса» имеет специальный раздел под названием «Понятийно-терминологические аспекты этнической проблематики»⁹⁷. Внимательно читая его, вдруг обнаруживаешь весьма знаменательный факт: создатели теории этноса скрупулезно относились к генезису и развитию тех или иных понятий и обозначающих их терминов, используя при этом богатый историографический материал. Особенно это касается базового понятия, раскрываемого через термин «этнос», и всех производных от него вплоть до «ethnicity» – основной категории одноименной концепции западных социологов и социально-культурных антропологов.

Почти 20 лет назад Ю.В. Бромлей указал на неоднозначность этого термина в англоязычной литературе, где он выступает «то как характер или качество этнической группы (и именно только в этом случае возможен его перевод на русский язык как "этничность"), то как "этническая единица"»⁹⁸. Не обходит своим вниманием Ю.В. Бромлей и уже упоминавшуюся попытку соотнести и даже отождествить термин «ethnicity» с понятием «этническая группа»⁹⁹. Отмечает Ю.В. Бромлей и значительный разнобой, существующий в зарубежной литературе относительно определения основных характерных черт этнических подразделений. «При этом, хотя акцент преимущественно делается на субъективные факторы (они особенно детерминированы во взглядах конструктивистов. – *И.З.*), однако нередко отмечаются и объективные признаки такого рода, а также условия их возникновения. Среди последних (здесь автор ссылается на известных американских антропологов Н. Глазера и Д.П. Мойнихана. – *И.З.*) чаще всего называется общность предков, географического или государственного (национального) происхождения»¹⁰⁰.

Далее Ю.В. Бромлей перечисляет множество конкретных свойств, которые, по мнению некоторых западных специалистов, выступают в качестве этнических и являются основой этничности (Бромлей предпочитает здесь употребить слово «этносити» – транслитерацию английского «ethnicity»). Это и культура, и культурные традиции в сочетании с чувством тождественности; религия и язык, ценностные ориентации, общность этоса, особенность стиля жизни, наличие особых социальных институтов. Анализирует Ю.В. Бромлей и взгляды ученых конструктивистского толка, считающих, что для существования этноса важны не столько территориальные, сколько социальные границы, что этническая группа состоит из лиц, которые постигают себя как некий вид, и что данные лица объединены эмоциональными связями и стремятся к их сохранению; сама же этническая группа определяется при этом как совокупность людей, которые осознают свою общность вследствие реального или фиктивного единого происхождения и таким же образом рассматриваются другими¹⁰¹. Подобная противоречивая картина в понимании зарубежными учеными феномена этничности является, по мнению Ю.В. Бромлей, с которым трудно не согласиться, следствием дедуктивного подхода, «в силу которого оказывается возможным весьма вольный "подбор" основных параметров для определяемого термина. А это в свою очередь ведет к тому, что одним и тем же термином обозначаются далеко не идентичные явления объективной реальности»¹⁰².

Первостепенная важность понятийно-терминологического аппарата в концептуально-теоретических разработках общественных наук, в том числе и этнологии, постоянно подчеркивалась советскими этнографами. В 1988 г. Институт этнографии АН СССР выпустил сборник с многозначительным названием – «Концептуальные глоссарии: цели и принципы создания»¹⁰³. В нем содержался ряд предложений, направленных на унификацию этнической терминологии. Авторы данного издания хорошо понимали, что предлагаемые ими идеи – это только первые шаги по новой тропе изысканий, направленных на изучение «...многих аспектов этничности и этнических процессов, национальности и национальных явлений...», изысканий, которые, «соприкасаясь с достижениями наших зарубежных коллег, дают некоторые представления о том, что надлежит сделать на более обширных и более целеустремленно подобранных фактических основаниях, и, наконец, вселяют надежду, что только совместными усилиями можно будет выработать достойную наших дней систему понятий и терминов в уникальной сфере человеческой истории – в сфере межнациональных отношений»¹⁰⁴.

В противоположность западным ученым, уже тогда начавшим свой поход против многих концептуальных основ теории этноса, советские ученые старались, при всех имевшихся у них сомнениях относительно термина «этничность», найти путь к его пониманию и включению в свой научный арсенал. «Этнические явления и процессы, – отмечено в названном выше сборнике, – чрезвычайно сложны и пронизывают ткань социальной, политической, экономической и культурной жизни в каждой стране. Все отечественные дисциплины уделяют внимание этническим явлениям. Соответственно нужно идентифицировать многие параллельные понятия, необходимые специалистам в области изучения этничности»¹⁰⁵. При этом одни и те же этнические феномены концептуально и понятийно-терминологически можно отражать по-разному, т.е. идти по пути полисемии. Однако существует возможность установить и довольно широкое понятийно-терминологическое поле, в котором легко могут сосуществовать различные теоретические подходы, т.е. использовать синонимический принцип. «Если зафиксировать бесспорные объективно наблюдаемые этнические явления, можно добиться их унифицированного и общепринятого теоретического отражения»¹⁰⁶. Возможность создания более или менее универсального понятийно-терминологического глоссария действительно существует, поскольку каждое понятие и каждая категория находятся в общей систематике, которая отражает этническую реальность и «дает точное описание понятия и соотношений этого понятия с другими»¹⁰⁷.

Однако, несмотря на реальные возможности создания такого англо-русского глоссария, мы до сих пор все еще находимся «в положении того священного слона, который имел 99 имен, но настоящим его именем было лишь сотое, остающееся известным только ему одному»¹⁰⁸.

И тем не менее сам факт существования идеи понятийно-терминологической унификации, всячески поддерживавшейся советскими учеными, говорит о многом, но прежде всего о том, что советская этнология была достаточно осведомлена об основных концептуальных разработках западных специалистов по этнической проблематике и той операционной технологии, которая такие разработки обеспечивает. Это еще раз указывает на то, что существующие упреки в отношении теории этноса как узкоидеологической и замкнутой на себя по меньшей мере некорректны. Другое дело, что она не могла охватить всего имевшегося в мировой научной практике. Так, создатели теории этноса были слабо знакомы с достижениями польской этнологии, в том числе и в понятийно-терминологической области. Однако именно польским специалистам во многом удалось сделать то, что намеревались осуществить в тесном сотрудничестве с западными специалистами советские этнографы, которым помешали распад Советского Союза и смена поколений в отечественной этнологии.

Этнологический словарь, изданный польскими специалистами в 1987 г., – факт весьма примечательный в развитии понятийно-терминологического аппарата нашей науки. И несмотря на то, что это, в отличие от замышлявшегося русско-английского

проблемно-тематического глоссария, обычный терминологический словарь со статьями, расположенными по алфавиту, он представляет собой еще и синтез различных теоретических школ и направлений второй половины XX в., во многом разрешая оппозицию «теория этноса» – «концепция этничности» хотя бы тем, что не игнорирует базовых категорий ни той, ни другой. «Etnos, – читаем мы в статье, посвященной этой этнической категории, – означает объективные черты надплеменных коллективов людей, главным образом проявляющиеся в аспекте их культурных различий, обычно признаваемых как результат общности происхождения и исторических обусловленностей»¹⁰⁹. «Etniczność (русский эквивалент – этничность, английский – ethnicity) – это основное свойство той или иной этнической единицы, обозначающее существенные межэтнические различия, которые проявляются через комплекс исторически сформированных социокультурных черт, определяющих специфику данной группы в сравнении с другими группами и устанавливающих символические этнические границы, отделяющие "своих" от "чужих". Черты, составляющие этот комплекс, имеют характер этнических идентификаторов, благодаря которым возможно проявление как субъективных, внутренних (т.е. с точки зрения члена группы) так объективных, внешних (т.е. с точки зрения исследователя или наблюдателя) классификационных установок, обозначающих инклюзивные и эксклюзивные границы этнической принадлежности»¹¹⁰.

Из приведенных выше определений этноса и этничности хорошо видно, что та и другая категории максимально приближены друг к другу, обозначая тем не менее различные стороны феномена, имеющего как социальные, так и специфические надсоциальные характеристики и проявляющегося в реальности в качестве рациональной и иррациональной величины.

В этой связи интересна и дефиниция этнологии как научной дисциплины, которая дана в польском словаре в двух названиях: этнография и этнология. Первая, по мнению известнейшего польского ученого Ю. Буршты, есть «научная дисциплина, которая занимается описанием и анализом (часто сравнительным) человеческих культур, (а также их отдельных сфер и продуктов) в конкретных, исторических, чаще всего в этнически обусловленных контекстах, с учетом их (культур. – И.З.) массового народного характера»¹¹¹. Вторая – этнология – понимается тем же Ю. Бурштой как «научная дисциплина, предмет исследования которой – человек как культурная сущность в ее глобальном смысле, а также в ее пространственных выражениях, особенно в рамках ее этнических группировок (этнос); отчего эта научная дисциплина является специализированной теорией культуры»¹¹². Последний тезис особенно ценен для широкого понимания предмета как этнологии, так и культурной и социальной антропологии. Кстати, польский этнологический словарь не обходит стороной и эти научные дисциплины, квалифицируя первую из них как «раздел социальных наук и академическую дисциплину, занимающуюся человеком как творцом культуры и социальной сущностью»¹¹³. Вторая же трактуется как одна «из социальных наук, которая традиционно выделяется в качестве науки о человеке и культуре. Так социальную антропологию понимали классики этой дисциплины, делая упор на тот факт, что специфическими атрибутами человека является то, что он есть социальная сущность, как таковая создающая культуру»¹¹⁴.

Из двух приведенных дефиниций видно, что предмет обеих дисциплин приближается к тождественности, а их разное название отражает лишь место их происхождения – Соединенные Штаты Америки и Великобритания. По мнению авторов польского этнологического словаря, разница между этими двумя антропологиями сводится к тому, что на практике они охватывают не совсем одинаковые области исследования; у них несколько различаются перспективы охвата действительности и подходы к интерпретации тех или иных положений. «Если культурная антропология, идя от тайлоровских традиций, концентрирует свое внимание на культурном измерении действительности, стремится к реконструкции организации культуры, фиксации законов, ею управляющих, а также идентификации ее элементарных частиц

(образцов, структур, ценности, символа, смыслов, значений), то социальная антропология, идя от дюркгеймовских традиций, сосредоточивает свое внимание на социальном измерении действительности, стремится к выяснению принципов строения социальной структуры, законов, регулирующих ее функционирование, и роли основных единиц социальной жизни»¹¹⁵.

Чтобы особо подчеркнуть, что нация и национализм не являются этническими категориями и потому не входят в круг этнологических проблем, авторы польского этнологического словаря совершенно справедливо не включили в него статьи, связанные с данными понятиями. В этом есть свой резон, поскольку национальная проблематика все более становится, если уже не стала, прерогативой политологии или в лучшем случае этнополитологии, т.е. тех дисциплин, в которых научные методы исследования (эмпирика, эвристика, анализ, обобщение, прогноз) почти полностью элиминированы в угоду единственной цели – манипулированию общественным сознанием.

Заканчивая раздел, посвященный понятийно-терминологическому аппарату этнологии, есть смысл еще раз остановиться на значении этого аппарата для четкого понимания стратегии в исследовании человека, его истории и современности в этническом аспекте. Прежде всего следует задать себе вопрос: есть ли острая необходимость расширять отечественное понятийное поле этнологии, уже заполненное такими терминологическими бессмыслицами, как «этнический русский, этнический татарин, этнический еврей и т. д.» (будто представитель того или иного народа может быть неэтническим), зарубежными социологическими терминами типа «дискурс», «мемы», «вызовы» и т.п.? Мне представляется, что понятийно-терминологическую «копилку» нашей науки необходимо наполнять очень аккуратно и продуманно, чтобы не оказаться в какой-то момент в плену слов пустых, ничего не обозначающих или обозначающих так много, что неясно, о чем идет речь. Однозначность термина в любом контексте – вот та цель, к которой должны стремиться общественные науки. Этнология не может быть исключением, даже если иметь в виду, что ее предмет сложный, неоднозначный, видоизменяющийся, часто распадающийся на множество трудно фиксируемых элементов. Польский этнологический словарь, не случайно, видимо, имеющий подзаголовок «Общие термины», со всей очевидностью доказывает, что упорядочение понятийно-терминологического аппарата нашей науки – задача вполне выполнимая, как и осуществление задуманного отечественными учеными несколько лет назад – англо-русского концептуального глоссария по этнологии и социальной/культурной антропологии, который, к сожалению, не состоялся по многим научно-организационным причинам и прежде всего из-за усилившихся разногласий между советскими и западными специалистами по проблеме понимания роли и места этнологии в анализе развития современного общества.

В этой связи встает один из важнейших вопросов для данных научных дисциплин: соотношение фундаментального и прикладного аспектов изучения человека и общества в этнической плоскости. Ответ на него только на первый взгляд кажется простым: это соотношение всегда должно отвечать задачам и целям как всей науки, так и каждого исследователя. Однако, как это видно из истории и практики указанных выше дисциплин, большое значение имеют те или иные запросы общества (а часто даже и власти), в котором обучается и развивается в качестве ученого тот или иной исследователь. Что касается западной социальной и культурной антропологии, то существует расхожее мнение, будто эти дисциплины – исключительно прикладные, стремящиеся на всем протяжении своего существования доказать истинность контовской позитивистской формулы: законы развития человеческого общества идентичны законам природы, поэтому методология социально-культурного антрополога вполне сопоставима с методологией физика, химика, математика. Хорошей иллюстрацией того, что это не так, служит статья А.А. Никишенкова «Прикладные исследования в западной социальной/культурной антропологии», опубликованная в 2000 г. в одном из номеров журнала «Этнографическое обозрение»¹¹⁶. В ней автор, давая подробную

характеристику имеющим столетнюю историю прикладным исследованиям английских и американских антропологов, среди которых одно время действительно преваляло научное обеспечение «косвенного управления» колониальными территориями, приходит к следующему весьма примечательному выводу: «Более чем вековые попытки превратить антропологические исследования в особую прикладную дисциплину так и не увенчались успехом... Многочисленные попытки теоретически обосновать специфику прикладной антропологии по сравнению с "чистой" академической антропологией так и не решили окончательно этой проблемы – граница между ними осталась неопределенной»¹¹⁷.

Тем не менее, если сравнить западный и отечественный научный опыт в освоении этносоциокультурной проблематики, можно прийти к таким выводам:

1) в смысле протяженности и направленности прикладных исследований первенство без всякого сомнения принадлежит западным ученым (для этого стоит лишь сравнить чисто академические этнографические исследования Н.Н. Миклухо-Маклая на островах Новой Гвинеи и вышедший почти в то же время труд Э. Тайлора «Первобытная культура», ставший учебником для многих британских социальных антропологов);

2) чисто прикладные исследования, которые финансировались заинтересованными организациями, никогда не велись российскими и советскими этнографами, не говоря уже о существовании в их среде так называемых правительственных антропологов, если не считать случаи, когда царская администрация направляла в «русскую глубинку» в качестве советников местных властей людей, знающих язык, обычаи и обряды «инородцев». Правда, профессиональными этнографами эти люди не являлись. Советский же опыт в этом отношении еще беднее, поскольку в тот период ставка делалась не на «особенное», а на «общее», что в конце концов обернулось полным незнанием истинного положения вещей в «этнонациональном хозяйстве» страны;

3) в отечественной практике вплоть до наших дней доминирует тенденция развития фундаментальных исследований, базирующихся на богатейшем этнографическом материале, собранном во время экспедиций в различные регионы нашей страны и за ее пределы. К сожалению, как указывалось выше, отечественная этнографическая эмпирика была основой фундаментальных исследований, а не прикладного (практического) анализа. Но если последний даже и имел место в различных аналитических записках, предназначенных в советское время для так называемых директивных органов, то использование их на практике в качестве превентивных или координирующих мер оставляло желать лучшего. Хорошо известно, что развившийся в результате процесса десталинизации этнонационализм, трансформировавшийся в период горбачевской перестройки в откровенный и неконтролируемый сепаратизм по отношению к федеральному центру, стал одной из важнейших причин распада Советского Союза¹¹⁸.

Таким образом, проблема соотношения фундаментальных и прикладных исследований в социальных науках, в частности в этнографии (этнологии), так или иначе есть отражение различных государственно-идеологических установок на использование этих исследований в практических целях. В каждом явлении важен его исток: западная социальная/культурная антропология с самого начала имела прикладной импульс, сыгравший важную роль в применении ее исследований в качестве важной политической силы; российская же этнография, отделившись от географии, в качестве приоритетного направления избрала фундаментальные исследования. В определенный период советской истории (рубеж 1920-х – 1930-х годов) этнология вообще считалась вредной лжебуржуазной наукой и только после Великой Отечественной войны уже как этнография она получила «прописку» в системе отечественных общественных наук, включив в свой научный арсенал наряду с региональными исследованиями внутри бывшего Советского Союза этнографическое изучение различных зарубежных народов, в том числе и их диаспор, расселившихся по многим странам мира.

Теоретико-методологическая база, имеющаяся в нашем распоряжении, основана на богатейших эмпирических материалах, собранных отечественными этнографами за полувековой период. И пересмотр ряда ее положений, скорректированных временем, и даже отказ от некоторых из них – процесс вполне естественный и закономерный, указывающий ко всему прочему на ценность того важного теоретико-методологического задела, который, я надеюсь, останется в анналах мировой науки под именем «теория этноса». Попытки определенных научных кругов, как западных, так и отечественных, представить советскую этнографическую науку как бесплодную смоковницу непродуктивны, а главное некорректны. Просто теорию этноса следует воспринимать не как догму, а лишь как руководство к дальнейшему постижению проблем этнонациональной направленности. Этот тезис можно отнести и к концепции этничности, одно из направлений которой – конструктивизм – в последнее время обнаруживает черты учения, претендующего на истину в последней инстанции. Но таковой, к счастью, нет и быть не может. Именно поэтому мы всегда должны быть готовы к тому, что с течением времени многое, казавшееся ранее неопровержимым и верным, уступит место новым мыслям, идеям, теориям и концепциям. И в противовес известной формуле «учение Маркса всеильно (стало быть вечно. – И.З.), потому что оно верно»¹¹⁹ мы всегда должны помнить о другом: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то даст много плода»¹²⁰.

Примечания

¹ Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001.

² Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988. С. 5.

³ Рыбаков С.Е. Указ. раб. С. 260.

⁴ Например, В.А. Тишков вообще предлагает не употреблять в научном лексиконе термины «нация» и «национализм», поскольку они есть результат искусственного политического конструирования, манипулирования и мобилизации населения той или иной страны в интересах их властных структур (Тишков В.А. Забыть о нации (постнационалистическое понимание национализма) // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1998. № 5. С. 3–26).

⁵ Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность» // ЭО. 1997. № 3. С. 21–31; *его же*. Время искать общий язык (проблемы интеграции различных этнических теорий и концепций) // Там же. 2000. № 2. С. 3–18.

⁶ Szczepanski J. Elementarne pojęcia socjologii. W-wa, 1965. S. 205.

⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1989.

⁸ Это отмечал один из родоначальников этнической теории С.М. Широкогоров, впервые сформулировавший дефиницию этноса (см.: Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923).

⁹ Полное перечисление этих работ заняло бы много места, поэтому целесообразно назвать лишь некоторые из них: Чешко С.В. Время стирать «белые пятна» // Сов. этнография (далее – СЭ). 1988. № 6. С. 3–16; Чешко С.В. Человек и этничность // ЭО. 1994. № 6. С. 35–49; Тишков В.А. О феномене этничности // ЭО. 1997. № 3. С. 3–20; Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // ЭО. 1997. № 3. С. 21–31; *его же*. Время искать общий язык (проблемы интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. 2000. № 2. С. 3–18; Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // ЭО. 1998. № 6. С. 3–15; *его же*. Национализм и нация // ЭО. 1999. № 4. С. 3–17; *его же*. Философия этноса: Виннер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. 1998. № 4. С. 3–26.

¹⁰ Заринов И.Ю. Время искать общий язык... С. 3–18.

¹¹ В конце 1970-х – начале 1980-х годов в США и СССР проходили двусторонние симпозиумы, дискуссионная атмосфера которых несколько не исключала признания американскими коллегами теоретических достижений советской этнологии.

¹² Тишков В.А. О феномене этничности. С. 4.

¹³ Колпаков Е.М. Этнос и этничность // ЭО. 1995. № 5. С. 15.

¹⁴ Чешко С.В. Человек и этничность.

¹⁵ Там же. С. 35.

- ¹⁶ *Заринов И.Ю.* Исторические рамки феномена этничности... С. 21–31.
- ¹⁷ *Тишков В.А.* О феномене этничности. С. 3–21.
- ¹⁸ *Чешко С.В.* Человек и этничность. С. 38.
- ¹⁹ *Тишков В.А.* О феномене этничности. С. 3–21; *Шнирельман В.А.* Наука в условиях тоталитаризма // ЭО. 1992. № 5. С. 7–18; *Соколовский С.В.* Парадигма этнологического знания // ЭО. 1994. № 2. С. 3–17.
- ²⁰ *Заринов И.Ю.* Исторические рамки феномена этничности... С. 24.
- ²¹ *Greely A.M., McCready W.C.* Does Ethnicity Matter? V. 1. Chicago, 1974. P. 73.
- ²² *Скворцов Н.Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996. С. 3.
- ²³ *Баженов Б.Х.* Основания гуманистической этнологии // ЭО. 2000. № 6. С. 15.
- ²⁴ *Рыбаков С.Е.* О методологии исследования этнических феноменов // ЭО. 2000. № 5. С. 12.
- ²⁵ *Поринев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1972. С. 17.
- ²⁶ Подробнее об этом см.: *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 35–47.
- ²⁷ *Рыбаков С.Е.* О методологии исследования этнических феноменов. С. 11.
- ²⁸ Там же. С. 12.
- ²⁹ Этногенез предполагает трансформацию реального родства в ирреальное псевдородство, когда на основе идентификации членов этноса лежит представление уже не о кровном, а об историческом родстве.
- ³⁰ *Флоренский П.А.* Имена. Харьков, 1998. С. 792.
- ³¹ Там же.
- ³² В подготавливаемой мной монографии описывается исторический факт, имевший место в Бразилии, когда институализация польской этнической группы сопровождалась попытками создания некоего политического образования под названием Новая Польша.
- ³³ Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 12.
- ³⁴ *Бромлей Ю.В.* Указ. раб. В этой основополагающей работе по теории этноса он посвятил рассматриваемой теме всю первую часть книги (с. 10–153), т.е. семь глав, каждая из которых соответственно посвящена таким фундаментальным проблемам, как место этноса в системе человеческих общностей, этнос и этносоциальный организм, культура и ее этнические функции, этнические аспекты психики, этногамия как «стабилизатор» этноса, опыт типологизации этнических общностей, этнические процессы. Вообще следует сказать, что теория этноса в отличие от ее западного оппонента – концепции этничности отличается большей глубиной вхождения в предмет, которым, по определению, должна заниматься такая научная дисциплина, как этнография (этнология). Правда, создателями концепции этничности являются социально-культурные антропологи, специалисты более широкого научного профиля. Но в этом как раз и состоит парадокс: они понимают этнический феномен вне диахронной парадигмы, что полностью исключает его из исторического контекста. Этой концепции присущ скорее прикладной, чем фундаментальный характер.
- ³⁵ *Isajiw W.W.* Definitions of Ethnicity // Ethnicity. V. 1. S.a. № 2. На типичность такого подхода к указанной проблеме указывал известный американский социолог М. Гордон, отметив укоренившуюся в англоязычной научной литературе тенденцию «трактовать этничность как синоним этнической группы или этнической общности, обладающей общим культурным этосом, общей исторической судьбой и общим происхождением» (*Gordon M.M.* Assimilation in American Life. The Role of Race, Religion and National Origins. N.Y., 1970. P. 28).
- ³⁶ О наличии в «человеке разумном» (*Homo sapiens*) архантропических реликтов смотри в очень интересной, но весьма любопытной книге Б.А. Диденко «Цивилизация каннибалов» (М., 1996).
- ³⁷ *Чешко С.В.* Указ. раб. С. 43.
- ³⁸ См.: *Зорина Л.И.* Русская семья в Чувашской АССР. Казань, 1973; *Семенов Ю.И.* Происхождение брака и семьи. М., 1974; *Терентьева Л.Н.* Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях в СССР. М., 1974; *Этнография детства: Традиционные формы воспитания детей подростков у народов Передней и Южной Азии.* М., 1983; *Ачылова Р.А.* Нация и семья. Л., 1987; *Беляя М.А.* Методологические вопросы этносоциологического исследования семьи. Тбилиси. 1988; *Семья. Традиции и современность.* М., 1990; *Гендерные проблемы в этнографии.* М., 1998.
- ³⁹ См.: *Recherches sur la famille.* Tubingen; Mohr, 1956; *Studies in Kinship and marriage.* L., 1963; *Segalen M.* Historical Anthropology of the Family. Cambridge, 1986.
- ⁴⁰ *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык... С. 3–8.
- ⁴¹ *Рыбаков С.Е.* О методологии исследования этнических феноменов С. 3–4.
- ⁴² *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 9.
- ⁴³ *Широкогоров С.М.* Место этнографии среди наук и классификация этносов. Владивосток. 1922.
- ⁴⁴ Например, В.А. Тишков в одном из своих выступлений заявил, что он не употребляет термин «этнос», потому что не знает, что это такое (*Тишков В.А.* Теория и политическая практика // Взаимодействие политических и национально-этнических конфликтов: материалы международного симпозиума 18–20 апреля 1994 г. Ч. I. М., 1994. С. 65).

- ⁴⁵ *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык... С. 4.
- ⁴⁶ *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография... С. 38.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ *Тишков В.А.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // ЭО. 1989. № 5. С. 8.
- ⁴⁹ *Lawrowski A.* Reprezentacja Polskiej grupy etnicznej w zyciu Stanow Zjednoczonych. W-wa, 1979. S. 13.
- ⁵⁰ Расы и народы. Вып. 18. М., 1988. С. 5–21, 22–48; Вып. 19. М., 1989. С. 5–38.
- ⁵¹ Отказ от научного наследия наших предшественников ничего хорошего для нашей науки не сулит. Естественный для научного познания кризис, в котором находится отечественная этнологическая наука (в этнографии – науке больше описательной – этот кризис, к счастью, почти не заметен) важно решить следующую дилемму: «продолжить свой путь, органически соединив в себе несомненные собственные достижения и лучшие зарубежные научные образцы, или потерять свое лицо и оказаться в арьергарде новомодных этносоциальных школ Запада» (*Заринов И.Ю.* Время искать общий язык... С. 16).
- ⁵² Все эти типы этнических общностей можно зафиксировать и сейчас. Суперэтносами так или иначе предстают перед нами арабы, русские и с некоторой долей условности – курды и латиноамериканцы, этносами – большинство народов земного шара, субэтносами – также многие этнические подразделения, живущие почти на всех континентах. Этнические группы – это почти все этнические общности иммигрантского типа. Этнографические группы – самые многочисленные этнические единицы, существующие внутри всех предыдущих этнических типов.
- ⁵³ Подробней об этом см. ниже в разделе, посвященном данной проблеме в контексте эмпирического материала по польским диаспорам в различных странах мира, в частности на территории бывшего СССР, США и Бразилии.
- ⁵⁴ *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык... С. 6.
- ⁵⁵ Выше также отмечалось, что в англоязычной литературе этот термин применяется далеко неоднозначно, и эта понятийно-терминологическая разногласия отразилась на нашем и без того запутанном понимании предмета этнологической науки, поэтому предложенное выше употребление данного термина в русском варианте – это попытка привести наш понятийно-терминологический аппарат в относительно-порядок, без чего дальнейшее продвижение к более глубокому постижению предметной части этнологии невозможно. Именно поэтому в данной статье вторая ее часть посвящена этой проблеме.
- ⁵⁶ *Posern-Zieliński A.* Koncepcje etniczności w amerykańskich studiach etnicznych // Lud. 1979. T. 63. S. 3.
- ⁵⁷ Об идеологическом аспекте в понимании этнического в истории человечества смотри в этом же разделе, по несколько ниже.
- ⁵⁸ *Francis E.* Interethnic Relation. Essays in Sociological Theory. Amsterdam; New York, 1976. P. 86.
- ⁵⁹ *Posern-Zieliński A.* Op. cit. S. 7.
- ⁶⁰ Ibidem.
- ⁶¹ *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык... С. 10.
- ⁶² В реалиях современных полиэтнических социумов их этническая картина представляет собой пространственно-временные этнокультурные комплексы. Более подробно эта тема рассматривается в подготавливаемой мной монографии.
- ⁶³ Эта мысль принадлежит А.Л. Эпштейну – одному из представителей Манчестерской школы. Здесь он цитируется по уже упомянутой книге Н.Г. Скворцова «Проблема этничности в социальной антропологии». С. 23–24.
- ⁶⁴ Цит. по: *Скворцов Н.Г.* Указ. раб. С. 27.
- ⁶⁵ *Тишков В.А.* О феномене этничности. С. 6.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Евразийство и русская цивилизация: рост из глубины веков. Беседа с д.э.н. О. Платоновым // Правда. 21 дек. 1994 г. (№ 226).
- ⁶⁸ *Заринов И.Ю.* Этнография народов Европы // Рабочий учебник Современного гуманитарного университета. М., 1998. С. 53.
- ⁶⁹ *Тишков В.А.* О феномене этничности... С. 6–7.
- ⁷⁰ *Тишков В.А.* Там же. С. 7.
- ⁷¹ Там же. С. 12.
- ⁷² В этой связи стоит привести любопытное замечание В.Е. Виннера, содержащееся в его статье «Этничность: в поисках парадигмы изучения» // ЭО. 1998. № 4. Ссылаясь на утверждение петербургского археолога Ю.М. Лесмана, что в этнической общности период возникновения нового представления о своем едином происхождении занимает не менее 80–100 лет в древности и не менее 160–180 лет на современном этапе, он пишет следующее: «В таком случае различие между "мифом об общем происхождении" и "общим происхождением", о котором пишет В.А. Тишков, превращается просто в игру в слова» (с. 21).
- ⁷³ *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык... С. 13.

- ⁷⁴ Эта проблема будет затронута ниже – в разделе, посвященном понятийно-терминологическому аспекту изучения этничности.
- ⁷⁵ *Козлов В.И.* Проблематика этничности // ЭО. 1995. № 4; *Чешко С.В.* Указ. раб.; *Заринов И.Ю.* Исторические рамки феномена этничности...; *Басилов В.Н.* Традиции отечественной этнографии // ЭО. 1998. № 2; *Виннер Б.Е.* Указ. раб.; *Рыбаков С.Е.* К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // ЭО. 1998. № 6; *Заринов И.Ю.* Время искать общий язык...; *Рыбаков С.Е.* О методологии исследования этнических феноменов...
- ⁷⁶ *Арутюнов С.А.* Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко «Человек и этничность») // ЭО. 1995. № 5.
- ⁷⁷ Там же. С. 7.
- ⁷⁸ *Szynkewicz S.* Silva etnicum // *Konflikty etniczne. Źródła – Typy – Sposoby rozstrzygania.* W-wa. 1996. S. 319–320.
- ⁷⁹ *Ibid.* S. 320.
- ⁸⁰ *Арутюнов С.А.* Указ. раб. С. 7.
- ⁸¹ *Колпаков Е.М.* Указ. раб. С. 17.
- ⁸² Более подробно об этом см.: *Басилов В.Н.* Указ. раб.
- ⁸³ *Поринев Б.Ф.* Указ. раб. С. 21.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ О прикладном аспекте этнографических (этнологических) исследований, в том числе и исследований социально-культурной антропологии, см. ниже.
- ⁸⁶ *Заринов И.Ю.* Исторические рамки феномена этничности...
- ⁸⁷ *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. С. 258.
- ⁸⁸ *Тишков В.А.* Забыть о нации ... С. 15–16.
- ⁸⁹ Об этом подробнее см.: *Рыбаков С.Е.* Философия этноса. С. 254–275.
- ⁹⁰ Там же. С. 275.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ *Тишков В.А.* Забыть о нации...С. 5–6.
- ⁹⁴ *Заринов И.Ю.* Термин «этнос» и основные производные от него в отечественной и польской этнографии // ЭО. 1993. № 1.
- ⁹⁵ *Заринов И.Ю.* Исторические рамки феномена этничности... С. 25.
- ⁹⁶ Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 1. Социально-экономические отношения и социально-нормативная культура. М., 1986; То же. Вып. 2. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. Методы. М., 1988; То же. Вып. 3. Материальная культура. М., 1989; То же. Вып. 4. Народные знания. Фольклор. Народное искусство. М., 1991; То же. Вып. 5. Религиозные верования. М., 1993; То же. Вып. 6. Этнические и этно-социальные категории. М., 1995. Первые четыре выпуска были подготовлены совместно с учеными ГДР.
- ⁹⁷ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. С. 7–22.
- ⁹⁸ Там же. С. 11.
- ⁹⁹ Там же. С. 16.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же. С. 17–18. Здесь Ю.В. Бромлей делает ссылки на зарубежных авторов: *Francis E.K.* Interethnic Relation. An Essay in Sociological Theory. N.Y., 1976. P. 6–7; *Keyes Ch.F.* Towards a New Formulation of the Concept of Ethnic Group // *Ethnicity.* 1976. V. 3. № 3. P. 205; *Isajiw W.W.* Definition of Ethnicity // *Ethnicity.* 1974. V. 1. № 2. P. 117; *Theodorson G.A., Theodorson A.G.* A modern dictionary of sociology. N.Y., 1969. P. 4; *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries.* Oslo, 1969. P. 14–19; *Glazer N., Moynihan D.P.* Introduction // *Ethnicity: Theory and Experience.* Cambridge (Mass.), 1975. P. 18. и др.
- ¹⁰² Там же. С. 22.
- ¹⁰³ Концептуальные глоссарии: цели и принципы создания. М., 1988.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 12.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 45.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 49.
- ¹⁰⁷ *Felher H.* Terminology manual. P., 1984. P. 189.
- ¹⁰⁸ Концептуальные глоссарии... С. 54.
- ¹⁰⁹ *Słownik etnologiczny. Terminy ogólne.* Warszawa; Poznań, 1987. S. 110.
- ¹¹⁰ *Ibid.* S. 79.
- ¹¹¹ *Ibid.* S. 89.
- ¹¹² *Ibid.* S. 97.
- ¹¹³ *Ibid.* S. 28.
- ¹¹⁴ *Ibid.* S. 39.

¹¹⁵ Ibid. S. 28.

¹¹⁶ Никишенков А.А. Прикладные исследования в западной социальной/культурной антропологии // ЭО. 2000. № 5. С. 17–30.

¹¹⁷ Там же. С. 28.

¹¹⁸ Об этом подробно см.: Чешко С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М., 1996.

¹¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. С. 43.

¹²⁰ Евангелие от Иоанна. Гл. XII. Ст. 24 // Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа и Псалтир. СПб., 1893. С. 209.

I. Y u . Z a r i n o v. Society–ethnos–ethnicity–nation–nationalism

This article continues the theoretical and methodological work carried out by the author both on the basis of the empirical materials he had collected on Polish diasporas in various countries of the world and within the framework of discussions about the place and role of ethnicity in the context of development of human society. The author of the article makes an attempt at demonstrating that the phenomenon of ethnicity as a noetic is quite cognizable if treated from different sides but not within the confines of any single theoretical foundation. In this sense it is a quite appropriate mention that ethnos is not a scholarly category only but also an anthropological-and-social attribute of humanity which tends to emerge, develop and disappear.

© 2002 г., ЭО, № 1

В.И. Дынин

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТАКСОНОМИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ

Этнолингвистическая классификация – одна из принятых в этнологической науке классификации народов мира на основе лингвистической генеалогической классификации их языков. Первая часть термина (этно) показывает объект классификации (народы-этноты), вторая часть – признак, по которому они классифицируются (лат. lingua – «язык»).

Следует сразу заметить, что вторая часть термина и сама по себе («лингвистическая» классификация), и в данном словосочетании («этнолингвистическая») создает определенные терминологические недоразумения.

Во-первых, словосочетание «этнолингвистическая классификация» можно истолковать как «некая классификация, принятая в науке этнолингвистике (этнической лингвистике)». Известно, однако, что объектом изучения последней является язык в его самых разных отношениях к этносу, а не только языковое родство народов.

Во-вторых, словосочетание «этнолингвистическая классификация» можно понять как «некая этническая классификация, принятая в науке лингвистике» («лингвистическая классификация» собственно не «классификация языков», а «классификация, принятая в лингвистике») и как «этнографическо-лингвистическая» («этнолого-лингвистическая») классификация. Здесь уже на ум приходят некие этнографическо-лингвистические построения вроде «языковых кругов» В. Шмидта.

В-третьих, в лингвистике, как известно, существует несколько различных классификаций языков. Помимо лингвистической генеалогической классификации языков (именно на ней и основана этнолингвистическая классификация) есть лингвистическая типологическая классификация, в основе которой лежит не родство языков, а их сходство по грамматическому строю (изолирующий тип, агглютинирующий, флективный, инкорпорирующий и т.п.). Существует также **лингвистическая ареальная** классификация языков, принцип которой был обоснован Дж. Гринбергом¹. Она тоже признается